

Ирвин Уэлш
Вечеринка что надо

Ирвин Уэлш Вечеринка что надо

Круки и Кэлум сидели в популярном, несмотря на спартанскую обстановку, пабе на Лейс-Уок и препирались на тему, стоит или нет завести музыкальную машину.

— Вруби долбаный ящик, Кэл, — наезжал Круки. — Теперь твоя очередь.

Он недавно уже скормил прожорливой твари фунтовую монетку, а у Кэлума — он знал — деньги были.

— Вот еще, бабки тратить, — отрезал Кэлум.

— Ну ты и жмот! Вруби долбаный ящик, — не унимался Круки. — Не люблю я, когда в пабе тихо.

— Кончай дергаться, понял? Вот увидишь, не пройдет и минуты, как какой-нибудь мудел заведет ящик. Нечего бабками сорить.

— Ну ты и жмот!

Кэлум собрался было возразить, но тут его внимание привлекла некая личность, неуверенно двигавшаяся от стойки в их угол паба со стаканом лимонной содовой в руке. Добравшись до свободного стола, личность расслабила нетвердые ноги и шмякнулась в кресло.

— Вот это да! Глянь-ка на вон того мудела, Крук! Это же маленький Бобби Престон! Бобби! — окликнул Кэлум доходягу, но тот, казалось, его даже не услышал.

— Заткнись, мать твою! — прошипел Круки. — Ты что, не в курсе? Этот пидор с иглы не слазит! Еще сядет к нам на хвост: Никаких халывщиков сегодня, понял?

Кэлум обозрел Бобби Престона с головы до ног, пытаясь различить в усохшей, грязной фигурке, склоненной над стаканом, тень прежнего Бобби Престона. Воспоминания детства и отрочества роились в его голове.

— Старик, да ты его совсем не знаешь. Он такой клевый. Бобби: Бобби Престон, — задумчиво сказал Кэлум, словно многократным повторением имени можно было вернуть к жизни прежнего Бобби Престона. — Я тебе про него такого могу порассказать: БОББИ!

Бобби Престон услышал. Пару минут он взирал на приятелей в недоумении, пока не кивнул в ответ. По лицу его было видно, что он только наполовину понимает, с кем имеет дело. Кэлуму стало очень грустно оттого, что старый друг не узнал его, к тому же ему было несколько неудобно так обломаться в присутствии Круки. Подавив раздражение, он встал и направился к столику Бобби. Круки нехотя пошел за ним следом.

— Бобби, мудила старый! Все долбаешься или как? — участливо спросил Кэлум.

Бобби криво улыбнулся и неопределенно махнул рукой.

Вконец расстроенный, Кэлум подумал, что если он погрузится в воспоминания о старых временах, то, возможно, прежний Бобби Престон выползет из своего нынешнего логова, построенного из сухих костей, обтянутых болезненно-серой кожей.

— Знаешь, старик, кто мне вчера повстречался? Парень, который чуть не завалил своего предка, когда тот ему на мороженое не дал! Помнишь, ну тот мудел? Разбил бутылку из-под «Кока-Колы» и горлышком его, горлышком:

Бобби молчал, криво улыбаясь.

Кэлум обернулся к своему спутнику:

— Мы еще в школу вместе ходили, в один класс. Этот мудел с нами вместе учился: Как звать, не помню, ну, короче, порезал он своего предка, потому что тот ему на мороженое не дал, на «Марс», понял? Потом мы как-то раз сидели в «Маршалле», но это позже было, понял? Я, Бобби вот этот, еще Тэм Макговерн, так вот Тэм мне и говорит: «Вон тот мудел, который своего предка порезал, когда тот ему денег на „Марс“ не дал». А я ему: «Не, тот вроде другой был: " Помнишь, Бобби? — попытался снова растормошить друга детства Кэлум.

Бобби кивнул, продолжая улыбаться все той же кривой улыбкой, словно она была нарисована у него на лице.

Кэлум продолжал:

— Но Тэм уперся: «Нет, этот именно тот». А парень знай себе сидит и читает газетку, понял? Но мы с Бобом, нас так просто не наколешь — верно, Бобби? А Тэм уперся и говорит: «Я щас пойду и сам спрошу у этого пидора, кто он такой». А я говорю Тэму: " Если это он, смотри не нарвись, па-

рень-то трёхнутый на полную голову». Ну а Тэм говорит: " Этот маленький веснушчатый мудел?» — и пошел. А дальше — мудел этот как вскочит, а я смотрю — у Тэма щека распорота и вся харя в крови. А мудел из паба как дал деру, а мы — за ним, а он как врезал по шоссе — только его и видели. Честно говоря, не так уж быстро мы и бежали — верно, Боб? С тех пор лет сто прошло. Но вчера я того мудела снова видел: пилит мимо паба «Шестнадцать» по Лейс-Уок, понял?

Круки стало скучно. Он терпеть не мог джанки: все они зануды, пока не уколются, а как уколются, так тоскливей людей на свете не найдешь. Короче, лучше с ними вообще не связываться. Какого хера Кэлум болтает с этим типом? Школьный друг и все такое — но они же не нанимались на работу в отдел социального обеспечения.

К счастью, тут Круки увидел, как в бар вошел молодой блондин с большим крючковатым носом. Волосы его были заплетены в мелкие грязные ямайские косички неопределенного цвета. Парень прошел к стойке и принялся рассматривать напитки на полке.

— Глянь, Ворон! — воскликнул Круки. — Пойду потрясу этого мудела, может, разживусь колесами, понял?

— Говорят, сегодня вечером что-то намечается в «Цитрусе», а? — спросил Кэлум, отрываясь от отмороженного Бобби.

— Тебе экстази брать, если у него будет? — спросил Круки.

— Угу: только никаких капсул. Я закинулся одной в «Саб клуб», ну, в Глазго, на прошлой неделе. Час тащился, потом, блин, съехал. И так всегда. Ди-джеи, муделы, прутся на «Малькольм Икс» — крутая чистая дрянь, от которой крышу сносит в натуре, — а я обломался и съехал.

Круки сделал понимающее лицо:

— Верно. Капсул не надо.

Он подошел к Ворону. Поздоровался, после чего оба удалились в сторону мужского туалета.

Кэлум вновь сосредоточился на Бобби:

— Эй, Боб, старик, послушай. Я просто тащусь от этой встречи. Помнишь: я, ты, Тэм, Иэн и Скуби? Улетная была компашка, верно? Ничего не боялись. Бобби, я не какой-нибудь там зануда, но я уже четыре года только с Элен, понял? Удолбаться время от времени — это на здоровье, но вот игла совсем не по мне, понял? Помнишь, Иэна? Откинул ласты: СПИД и все такое:

— Да-да, Иэн: Гилрой: — пробубнил Бобби, выйдя на миг из героинового ступора и поморщившись от воспоминания о какой-то старой обиде. — Я его терпеть не мог, понял?

— Не надо, Боб: мать твою так: Парень помер! Не смей так говорить!

— Он меня подставил, — буркнул Бобби.

— Верно, но теперь кому какая разница? Парень-то помер, вот я о чем: На мертвых зла не держат, понял?

Круки вернулся из туалета:

— Достал кислоты, понял? Промокашки: Кислоту любишь?

— Не очень. Экстази лучше. — Кэлум был не в духе. Он думал об Иэне, о Бобби, о том, как хорошо все было раньше. У Бобби в голове полно дерьма. От этой встречи такое настроение, что в трип отправляться просто опасно.

— Кончай, Кэлли, все будет в кайф! Пойдем к Чиззи. Ты ведь с ним знаком, верно?

— А, Чиззи, — кивнул Кэлум. Вообще-то он не знал Чиззи. Ему было как-то не по себе, но, с другой стороны, очень хотелось оттянуться.

— По мне бы лучше экстази: ну да ладно:

Они прожевали промокашки настолько поспешно, насколько позволял их малопривлекательный вкус. Между тем Бобби, побуждаемый сигналами из болевого центра, с трудом собрал себя и поплелся в туалет. Неизвестно, сколько времени он там находился, но Круки и Кэлуму показалось, что не меньше месяца, потому что, когда он вернулся, оба друга уже находились в самом разгаре кислотного прихода.

Зеркала, висевшие на стенках паба, изогнулись и заключили их в странный пузырь, отрезав от всех остальных посетителей паба. Впрочем, внешний мир можно было по-прежнему рассматривать сквозь зеркала, словно через огромные вогнутые линзы. Сперва такая изоляция показалась друзьям приятной, но вскоре они поняли, что сойдут с ума и задохнутся внутри этого пузыря. Они сидели, прислушиваясь к сокращениям мышц, стуку сердца, шипучей циркуляции крови по венам. Они поняли, что являлись, в сущности, машинами. Кэлум, водопроводчик по профессии, ощущал себя зданием, пронизанным канализационными стоками. Мысли о канализации вызвали у него спазм в пря-

мой кишке. Круки недавно был в кино на «Терминаторе». Он видел весь мир через окошечко видеискателя, по поверхности которого пробежали красные светящиеся буквы диалога с компьютером.

— Ни хера себе: — прошептал он.

— Это конец света: а может, начало? — вопрошал Кэлум сам себя, наблюдая странную тварь, которая медленно ползла к ним по полу.

Это просто собака: или кошка: кошек в пабах не держат, но вот в Ирландии, в деревенских пабах, кошки часто сидят и греются у камина: нет, это все-таки долбаная собака:

— Вот это трип так трип, крышу на хер сносит! — сказал Круки, покачивая головой.

— Угу: — промычал Кэлум и подумал: «А Бобби уже зарядился, тварь болотная. Надо же!» Сперва Кэлуму было даже приятно, что есть Бобби, на котором можно сфокусировать взгляд, но потом он снова вернулся к созерцанию своих сосудов, вздувавшихся под стремительным турбулентным потоком крови, словно река, вышедшая из берегов.

— Давай свалим отсюда, старик, — наконец сказал он.

— Верно, давай свалим, — согласился Круки.

Им понадобилось некоторое время, чтобы встать на ноги. Весь паб кружился колесом, дико искаженные лица людей мелькали перед глазами. Было то нестерпимо светло, то темно, как ночью, в зависимости от того, что вытворяли их перегруженные впечатлениями органы чувств. Кэлум чувствовал, как реальность ускользает у него из рук, словно промасленный канат, который тянет за другой конец немыслимая сила. Круки ощущал, что с его психического ядра отслаивается шелуха, и понял, что, когда она слетит вся, он станет совсем иным существом — возможно, инопланетянином.

Друзья поспешно выбрались из паба, оглушенные и ослепленные потоками света и звука. Круки чувствовал, как он покидает смертную оболочку и устремляется в космическое пространство, но затем со страшной силой падает обратно в тело. Он медленно обводил взглядом улицу: яростная какофония странных, но до боли знакомых звуков и мелькающий калейдоскоп неоновых огней сливались в причудливую и восхитительную картину. Сквозь все это с трудом прозревалась шаткая фигура Бобби, который плелся в некотором отдалении.

— Эй, мудел удалбанный! — крикнул ему Кэлум, затем повернулся к Круки и сказал: — Всю картину портит, пидор!

Несмотря на агрессивный тон, в глубине души Кэлум был рад присутствию Бобби, который создавал хоть какую-то точку отсчета в изменившейся реальности.

Друзья неуверенно шли по знакомой улице, ставшей внезапно такой чужой. Временами на какой-то краткий миг Лейс-Уок приобретала привычные очертания, но в основном местность напоминала Дрезден после бомбардировки.

Фонтаны огня, клубы дыма и запах горящей плоти окружали Круки и Кэлума со всех сторон. Они остановились, обернулись и снова увидели Бобби. Круки понял, что Бобби очень похож на Терминатора, выходящего из пламени взорвавшегося бензовоза.

— Что-то страшновато здесь: — пробормотал Круки.

Затем оба снова на время потеряли свои телесные оболочки, но потом нашли их и чувство реальности вместе с ними.

— Нам не справиться, старик — хрипло прошептал Кэлум. — Похоже, тут что-то вроде атомной бомбы долбануло:

— Кончай гнать, — простонал Круки. — Все только и ждут, когда ты закинешься, а потом бросают бомбу, чтобы ты в штаны наделал. Саддам Как-Его-Там только и ждет, когда Кэлли закинется.

Кэлум громко рассмеялся в терапевтических целях. Это подействовало. С таким муделом, как Круки, улететь не страшно. На измену не потянет, когда рядом Круки. Высший класс!

Друзья вошли в сияющий золотом подземный переход и в изумлении принялись смотреть по сторонам.

— Блин, так не бывает. Полный улет! — пробормотал Круки, разинув от удивления рот.

Кэлум не мог ему ответить. Голова ломилась от мыслей, предмет которых не поддавался определению. Он понял, что такого же типа мысли бывают у младенцев, которые еще не знают слов. Он чувствовал ритм этих мыслей, чувствовал даже то, как они рифмуются между собой, но он не мог их высказать вслух, потому что их нельзя было выразить речью. Он знал, что, протрезвев, он забудет эти мысли навсегда и разучится пользоваться этим тайным бессловесным языком. Как только Кэлум окончательно это понял, он сильно огорчился. Утратить навсегда такое прозрение! Он стоял на по-

роге высшего знания, но не мог переступить этот порог.

— Мы ничего не знаем, но, блин, мы же все знаем!.. Но никто из нас не знает, что знает:

— Кэл, старик, не грузись, — уговаривал его Круки. — Главное, не спи за рулем. Смотри, мы уже почти у Чиззи. Бобби, где ты, мать твою так! Боб! Иди сюда, муило! Ты в норме?

— Не могу я говорить. Я же под героином, приятель: Героин: — промямлил Бобби.

— Вот пидор! Лучше бы ты с нами кислоты лизнул. Как тебе приход, Кэл?

— Приход что надо: — неуверенно ответил Кэлум.

Дело не в кислоте. Дело в чем-то другом, подумал он. Он закидывался не первый год, полагал, что его уже ничем не удивишь, вообразил, что он знает о кислоте все. Долбанные старые всезнайки, которые говорят, что завязали с кислотой после одного слишком дурного трипа. Стоит тебе только решить, что ты все изведаль, как отлетаешь так, что вся твоя жизнь меняется навсегда. Как эти умники были правы! Все случившееся с ним до этого было лишь подготовкой к тому, что происходит сейчас. Впрочем, это даже подготовкой не назовешь. После этого все будет по-другому.

Они шли и шли, минуты казались часами, но с места практически не удавалось сдвинуться. Было такое впечатление, словно делаешь шаг вперед, а затем два шага назад. По дороге бесконечно приходилось пересекать узкие улочки с непременным пабом на углу. Иногда это была та же самая улочка и тот же самый паб, иногда — вроде другие. Вскоре они оказались под дверьми у Чиззи, так и не разобравшись, какой дорогой пришли.

— Хммм: не помню, куда жать: — бормотал Круки, пытаясь прочесть выцветшие таблички на панели домофона. — Нет здесь никакого Чиззи:

— А как его по-настоящему зовут? — спросил Кэлум.

Бобби в это время начало рвать желчью.

Кэлум чувствовал, что попасть в квартиру необходимо во имя их спасения. На улице полным-полно демонов. Сперва Кэлум только догадывался об их присутствии, но теперь был убежден, что интуиция его не подвела.

— Давай войдем, — сказал он. — А то тут демонов много.

— Не пори чушь! — фыркнул Круки. После трипа можно посудачить о демонах, которых встретил во время трипа. После трипа, но не сейчас. Они же условились не говорить о демонах во время трипа, а теперь этот мудел:

Круки с трудом овладел собой.

— Думаю, его зовут Чизхольм или вроде того:

— Блин! — закричал Кэлум. — Да жми же на долбаную кнопку! Жми на любую! Какой-нибудь хер откроет, мы войдем и найдем Чиззи по шуму. Это же вечеринка.

— Верно! — Круки надавил на первую попавшуюся кнопку, дверь открылась, и они вошли в подъезд.

На резиновых ногах друзья карабкались по лестнице навстречу звукам голосов.

Вид Чиззи, стоявшего на верхней площадке, несколько их успокоил.

— Всем привет! — воскликнул Чиззи. — Рад вас видеть! Отличный вечер, верно?

— Неплохой: мы в крутом трипе, — признал Круки.

— Ну и сукины же вы дети! Валите сюда!

В квартире Кэлума и Круки одолела клаустрофобия. Сев у искусственного камина. Они взяли по банке с пивом и попытались разобраться в обстановке. Бобби же сразу заперся в сортире. Он выполз оттуда только через полчаса и бессильно рухнул в деревянное кресло-качалку.

Усатый парень с квадратной челюстью подошел к приятелям и сказал:

— Так, ребята. Продаю лотерейные билеты. «Клуб-86». Первый приз — «Ровер ретро». Второй приз — туристический ваучер агентства «Сфиэр трэвел» на двести фунтов, понял? Третий приз — рождественская корзина с хавкой, фунтов на сто потянет. Билет стоит один фунт.

— Я в лотерею не играю, — сказал Круки.

Парень окинул их воинственным взглядом.

— Рождественский тира-а-ж! — рявкнул он и потряс пачкой билетов у них перед носом.

— А. Ну тогда: — Круки принялся шарить в карманах.

Кэлум счел, что ему будет лучше сделать тоже самое.

— Долбанный рождественский тираж, мудел! Всего один фунт стерлингов за долбанный билет: хавка, тур или тачка: вы мне, мудни, еще спасибо скажете!

— Э, я возьму один: — Круки протянул парню фунтовую монету.

— Что? Один долбаный билет? Да ты меня за кого держишь, мудел? Долбаный рождественский тира-а-ж! «Клуб-86»! департамент содействия развитию шотландской молодежи: можно подумать, вы сюда на своем «боинге» прилетели!

— Ну ладно: возьму пять! — неожиданно загорелся Кэлум.

— Ты парень что надо! — сказал усатый.

Круки неуверенно протянул ему два фунта.

— Куда пойдешь в субботу? — спросил усатого Кэлум.

— Что? — переспросил тот и злобно уставился на Кэлума.

— На Истер-роуд пойдешь?

Усатый снова посмотрел на Кэлума, а затем раздраженно мотнул головой:

— Я пришел на эту долбаную вечеринку билетами торговать, а не трандеть про футбол.

И с этими словами он ушел, вогнав Круки и Кэлума в параноидальное состояние.

— Надо нажраться, — сказал Круки, поднося банку с пивом к губам. — Алкоголь успокаивает.

Приводит в чувство.

Кэлум нервно кивнул и тоже принялся пить.

Через час им полегчало, они встали и принялись танцевать вместе с остальными. Кто-то включил на магнитофоне приятную музыку в стиле «транс». Бобби тем временем заснул в кресле-качалке.

Тощий, стриженный под бобрик парень кричал:

— Чиззи! Поставь мою кассету! Поставь мою кассету, мудел!

— Нет: пусть играет «Финитрайб», понял? — бормотал в ответ другой тощий парень с челкой, закрывавшей глаза.

Круки показалось, что он его уже видел где-то.

Кэлум снова ощутил приступ паранойи. Он не знал никого из гостей, и ему стало казаться, что он здесь лишний и никто его не любит.

— Боб, старик, херовые мои дела, — сказал Кэлум, подсев к Бобби. — Я знаю, ты скажешь, что это все фигня, но я видел здесь пару мудней. Которые болеют за «Лохенд», и сдается мне, один из них — кореш этого психа Кейта Эллисона, того самого, который пырнул Муби: знаешь, такой, из приличной семьи: бритвами торгуют: мне рассказали тут, что какой-то мудел попытался наехать на одного из этих Эллисонов в «Почтовом клубе», а тот у него нож вырвал — спокойно так — и распластал этому козлу всю харю: будто маньяк какой. Понял: много в моей жизни говна нынче, Боб: зря я кислотой закинулся: Элен знаешь, а? А сестру её: Джулию? Знаешь Джулию?

Бобби молчал.

— Мою долбаную кассету поставь, Чиззи, пидор! — орал тощий с бобриком, но, не обнаружив в комнате Чиззи, принялся танцевать как полоумный под ту музыку, которая уже играла.

Кэлум вновь обратился к молчавшему Бобби:

— Не то чтобы я в неё втрескался — ну не совсем, в общем. Мы просто с ней никогда не разговаривали, и вот я шлялся по городу и занесло меня в «Бастер», ну и сестра её Джулия там была с подружками. Ну, короче говоря, ничего такого и не случилось. Ну, потискались немного: короче говоря, я, может, был бы и не прочь. И да и нет — вот что я имею в виду. Понял? В смысле, ты же понимаешь, верно, Боб?

Боб ничего не ответил.

— Слушай, Боб, беда в том, что я и сам не знаю, чего я хочу от жизни. В этом-то все и дело: хер знает что: мне каждая сучка кажется такой старой: ну просто полной развалиной: помнишь, та, что ходила с Кевом Маккеем: да ты её как-то трахал, Боб, старый мудила: я-то знаю:

— Отвянь от этого козла! — сказал Кэлуму тощий брюнет. — Он только что вмазался в сортире.

Вид у брюнета был страшноватый. Он выглядел так, словно его только что выпустили из концентрационного лагеря — настоящий скелет. Как только Кэлум это заметил, ему сразу же стало ясно, что это и в самом деле скелет.

— Э: а где Круки? — спросил Кэлум у «скелета».

— Твой кореш? — кадык «скелета» заходил ходуном.

— Угу.

— Он в кухне и, похоже, совсем спятил. Чубастый такой, верно?

— Не: угу: я, в смысле: а что он говорит?

— Такой здоровый, чубастый мудел — верно?

— Угу:

«Скелет» внезапно исчез, предоставив Кэлуму самостоятельно выбираться из всего этого кошмара.

— Эй, Бобби, может, пора сваливать: верно, Боб? Не те здесь вибрации, понял?

Боб ничего не сказал.

Затем пришла девушка в красном платье и села рядом с Кэлумом. У неё были пергидрольные волосы с темными корнями. Кэлум решил, что на личико она вроде ничего, но голые руки чересчур шершавые и на них слишком много суставов.

— Ты пришел с Круки?

— Э: Угу. Меня зовут Кэлум.

— Ты случайно не брат Рикки Прентайса?

Кэлум дернулся, как на электрическом стуле. Всякий знал, что его брат Рикки — полный засранец. Если здесь станет известно, что он — брат Рикки, то решат, что он ничем не лучше.

— Да: Но я совсем не такой, как Рикки!

— А я ничего такого и не сказала! — передернула плечиками девушка.

— Ну да: я только вот говорю: Рикки — это Рикки, а я — это я. Между нами ничего общего. В смысле: он — сам по себе, а я — сам по себе. Ну ты понимаешь:

— Да ты, похоже, вконец устал.

— Это все промокашки: а тебя как звать?

— Гиллиан.

— Держись подальше от промокашек. Гиллиан.

— Я не принимала кислоту. Никогда. Те, кто принимает, все кончают дурдомом. Крыша съезжает. Я знала одного парня, который закинулся, и у него случилась кома:

— Э: ага, — нервно согласился Кэлум, надеясь сменить тему беседы.

— Ты меня жди, — сказала Гиллиан, внезапно что-то приметив. — Я скоро вернусь.

— Чиз-зи! Поставь мою долбаную кассету! — кричал парень с бобриком.

— Кончай, Чиззи! Поставь кассету Яичницы, — вмешалась Гиллиан.

Крикливый парень, которого, оказывается, звали Яичницей, повернулся к Гиллиан и сказал, не скрывая своего торжества:

— Вот видите! — затем грозно посмотрел на Чиззи, который забивал косяк на конверте пластинки, и показал пальцем на Гиллиан: — Послушай вот, что она говорит. Поставь мою долбаную кассету!

— Подожди, приятель, — ответил Чиззи и подмигнул.

Появился Круки и подошел к Кэлуму:

— Все тут спятили, Кэлум. Я смотрю, вы тут треплетесь; ну, эта Гиллиан и ты, мул старший.

— Ты её знаешь, верно? — спросил Кэлум.

— Ты на верном пути, эта точно даст, — улыбнулся Круки.

— Прикольная девушка, — неуверенно сказал Кэлум. — Приятная такая телка:

— От тебя, старый хер, сделали больше аборт, чем твоя бабушка закатала банок с компотом, — хихикнул Круки.

Гиллиан вернулась. Увидев её, Круки почувствовал легкие угрызения совести и трусливо ослабил перед тем, как отойти в сторону.

— Слушай, — сказала Гиллиан Кэлуму, — не хочешь купить рождественскую лотерею? «Клуб-86», — улыбнулась она. — Департамент содействия шотландской молодежи.

— Конечно! — отозвался Кэлум, раньше чем вспомнил, что уже покупал сегодня лотерею. Но Гиллиан была в таком восторге, что Кэлуму пришлось купить еще пять билетов.

— Так о чем мы говорили? Ах да, значит, случилась у этого парня кома:

Кэлум почувствовал, что покрывается холодным потом: В груди бешено билось сердце. Нечаянно он задел Бобби за плечо, и тот свалился с кресла-качалки, с грохотом растянувшись на полу.

— Твою мать: — хрипло прошептал Кэлум, глядя на распростертое тело.

Со всех сторон сбегались гости. Усатый парень, тот, который продал Кэлуму первую партию лотерейных билетов, попытался прощупать пульс. Затем он расстегнул рубашку и приложил ухо к груди Бобби.

— Эй, Геггси, пусти меня! — кричал Чиззи. — Я медицине учился! Проваливай, Геггси, мул старший!

— Да погоди ты, — отмахнулся Геггси.

Кэлуму показалось, что волосы Геггси, разметавшиеся по тощей груди Бобби, превратились в щупальца вроде крысиных хвостов и высасывают остатки жизни из бездвижного тела. Затем Геггси выпрямился и сказал:

— Этот пидор мертв. Этот твой дружок, — добавил он, глядя на Кэлума взглядом прокурора, словно это Кэлум убил Бобби, — он мертв, как кусок говна, понял?

— Блин, кончай наезжать: — сказал Кэлум.

Чиззи склонился над телом Бобби.

— Верно, парень совсем сдох. Я-то знаю: курсы начальной медицинской подготовки при больнице «Феррант». Они нас потом еще послали на практику в Хеймаркет, в госпиталь «скорой помощи» св. Андрея. Диплом и все такое, — гордо заключил Чиззи. Затем он подпрыгнул и заорал: — Круки! Прости, приятель, но это ты приволок сюда этого козла. Мне здесь теперь только копов не хватало! Забирайте своего дружка и сваливайте!

— Но: — начал было Круки.

— Нет, приятель, я вам помогать не стану. Пойми меня, не хочу я здесь копов, понял?

— Берите своего дохлого мудня и валите! — крикнул для ясности парень, которого звали Геггси.

— Да мы не можем: я в смысле: ну куда мы его денем?

— А это уже ваши проблемы. Долбаные кретины. Притащили джанки в чужой дом. Вот пидоры! — Геггси угрожающе наклонил вперед голову.

— Всю вечеринку обломали, — встрял чей-то голос. Как оказалось, он принадлежал тому самому парню с бобриком по кличке Яичница. — Может, хоть сейчас поставите мою долбаную кассету, козлы! Видите, как от вашей музыки парню сплохело, — и он захихикал над собственной шуткой.

Круки переглянулся с Кэлумом. Затем они взяли Бобби под руки с двух сторон и вынесли его из квартиры на лестничную площадку.

— Жаль, что все так повернулось, друзья, Этот ваш кореш, он клевый был парень? — спросил Чиззи.

Кэлум и Круки молча посмотрели на него.

— Слушайте, друзья, конечно, сейчас момент неподходящий, но я хотел вас спросить — я тут билеты рождественской лотереи распространяю:

— Я уже купил, — сказал Кэлум.

— Ну тогда ладно, — сказал Чиззи, слегка расстроившись.

Круки и Кэлум начали стаскивать Бобби по лестнице. К счастью, он оказался легким и маленьким. Гиллиан и еще одна девушка вышли из квартиры вслед за ними.

— Все веселье испортили, пидоры, — огорченно сказал парень, которого звали Яичница, когда за ними захлопнулась дверь.

— Совсем спятили, — сказала вторая девушка Кэлуму и Круки. — Вы что, на улицу с ним собрались?

Друзья промолчали в ответ. Худшие из галлюцинаций уже остались позади, но ноги были по-прежнему резиновыми, а реальность — слегка искаженной.

— Интересно, что они с ним будут делать? — сказала Гиллиан.

— Что делать-то будем? — спросил Круки, продолжая спускать тело Бобби вниз по лестнице.

Бобби, хотя и не был тяжелым, перекачивался у них в руках как бурдюк с водой. Они по-новому ухватились за тело, но тогда ноги Бобби стали цепляться за ступеньки.

— А хер его знает, — огрызнулся Круки. — Сперва надо выбраться из этого долбаного подъезда.

— Тьфу! Я бы даже притронуться к нему не смогла! — сказала вторая девушка.

— Заткнись, Мишель, — цыкнула на неё Гиллиан.

Лестница наконец кончилась, и Бобби выволокли из подъезда на темную, пустынную улицу. Ноги Бобби безвольно тащились по асфальту. Гиллиан и Мишель сперва шли сзади на расстоянии нескольких футов, затем стали время от времени забегать вперед. Если же они видели, что кто-то идет навстречу, то переходили на другую сторону улицы.

— Первый раз мертвяка вижу, — констатировала Гиллиан.

— А я видала. Дедушку. Я видала, как его в ящик заколотили.

— Как в ящик? — переспросила Гиллиан, которой представилось, что это и было причиной

смерти дедушки.

— Ну, священник: церковь: все такое: — с неожиданной грустью в голосе разъяснила Мишель.

— Ах вот оно что: — дошло до Гиллиан. Затем она вновь посмотрела на Бобби. — Деньги у него при себе есть?

Круки и Кэлум остановились.

— Бедный мудел мертв!»! Нас могут обвинить в убийстве! Мы не можем везти его в такси!

— Мое дело — предложить, — сказала Гиллиан.

— Угу, — Круки посмотрел на Кэлума. — Её дело — предложить. Круто, Кэл. Девки — они все такие:

Кэлум был готов взорваться. Это был Бобби. Тело Бобби. Он вспомнил ту ночь у костра и как они с Бобби задавали другим однокашникам жару. Бобби Престон. Он вспомнил, как они играли в ИРА и в УДА вместе с Бобби. Он вспомнил, как выстрелил в Бобби из пугача, и Бобби притворился мертвым, и как он лежал в густой траве на обочине шоссе. Когда он встал, на спине к его тенниске прилипло собачье дерьмо.

Теперь Бобби уже не прикидывался мертвым, а в дерьме были они все по самые уши.

— Заткнитесь: ЭТО ЖЕ БОББИ: о, блин! — простонал Кэлум, внезапно остановившись. Он наконец заметил, что рядом с ними медленно едет полицейский автомобиль. Мысли его перекинулись с Бобби на собственную персону. Он понял, что его жизнь кончается так же необратимо, как кончалась жизнь Бобби — тихо, в кресле-качалке, от такой большой дозы героина, когда человек уже сам не понимает, что медленно умирает. Кэлум подумал о своей подруге Элен: увидит ли он её когда-нибудь снова?

Коп выполз из машины, оставив своего напарника за рулем.

— У вас все в порядке, ребята? — Он посмотрел сперва на Бобби, затем на Круки и Кэлума. — Ваш дружок. Видать, крепко надрался.

Кэлум и Круки смотрели на полицейского. У того был расплюснутый нос с двумя огромными дырами вместо ноздрей. Кожа имела нездоровый розовый оттенок и напоминала сырую свиную сардельку, а глаза — тусклые и глядящие в разные стороны — располагались на дне глубоких впадин в похожей на картофелину голове.

«Это все кислота, — подумал Круки. — Все эта долбаная кислота».

Кэлум и Круки переглянулись поверх безвольно болтавшейся головы Бобби.

— Вроде того, — наконец ответил Круки слабым голосом.

— Вы тут никакого беспорядка не видели? Ну, там, несколько психов, бьющих витрины:

— Не, ничего мы не видели, — сказала Мишель.

— Да, дружок ваш совсем трубился, — сказал полисмен, подозрительно разглядывая Бобби. —

Я бы на вашем месте отвел его домой.

Покачав пару раз своей головой-обрубком, коп презрительно фыркнул и наконец уехал.

— Мать твою так: нам кранты, приятель! Полные кранты! — простонал Кэлум.

— А это дело, — сказал Круки, — что легавый сказал.

— А? — переспросила Мишель.

Кэлум недоверчиво уставился на Круки.

— Ты послушай: если нас притормозят с его телом, то мы точно сядем. Но если мы отнесем Бобби к нему домой:

— Блин, — Кэлум покачал головой. — Лучше уж его прямо здесь бросить.

— Нет, что ты! — сказал Круки. — Сразу расследование начнется, понял?

— Плохо я соображаю, — простонал Кэлум. — Чертова кислота:

— На кислоте сидят только психи, — отрезала Гиллиан, жуя резинку.

Круки стал смотреть, как одна сторона её лица вздувается и трясется при каждом жевке.

— Я знаю, что нужно сделать. Отвезем его в больницу. Несчастный случай. Скажем, что нашли труп на улице, — внезапно оживившись, предложил Кэлум.

— Нет, они все узнают: время смерти: — возразил Круки.

— Время смерти: — зловещим эхом отозвался Кэлум. — Да я этого мудела даже не знал. Я в смысле — было дело, дружили в лохматом году, но потом разошлись, понял? Первый раз за долгие годы на него напоролся, понял? А он, оказалось, джанки, понял?

Гиллиан приподняла голову Бобби. Кожа была серого цвета, глаза закрыты. Гиллиан оттянула веки пальцами.

— Тьфу: какая гадость: — плевалась Мишель.

— Заткнись на хер! — взвился Кэлум.

— Мертв, как кусок дерьма, — торжественно объявила Гиллиан, закрывая Бобби глаза.

Затем она вытащила компакт-пудру из сумочки и принялась гримировать Бобби лицо.

— Чтобы на мертвяка не так походил, — объяснила она. — Если нас снова тормознут.

— Умница, — одобрил Круки.

Кэлум посмотрел на темно-синее небо, на мертвые, уснувшие окна домов. Горящие фонари только подчеркивали безжизненность призрачного города вокруг. Впрочем, дальше по курсу ярко горела освещенная витрина. Это было заведение, где круглосуточно торговали кебабами.

— Я есть хочу, — заявил Круки.

— Ага, — сказала Мишель. — Я тоже.

Они усадили Бобби на скамейку под деревом у входа в городской сквер.

— Ты, Кэл, посиди с Бобби, а я всем возьму по кебабу, — сказал Круки.

— погоди, — начал было Кэлум, но остальные уже шли через улицу по направлению к заведению.

— Спокойно, Кэлли, не оставляй его одного! Мы скоро вернемся, — раздраженно крикнул Круки через плечо.

«Вот суки, — подумал Кэлум, — как круто с их стороны: оставить меня здесь, с этим вот: " Он повернулся к Бобби:

— Послушай. Боб, прости меня за этого чувака, но он ни во что не врубается: ну вроде как Иэн и вся наша старая компания: ничего не знали про вирус, думали тогда, что он только через трах передается, вроде того, понял? Вроде это только лондонских педрил касается, а вовсе не наших торчков. А ведь некоторые парни — ну, вроде Иэна, — они на игле только несколько месяцев сидели, Боб: вот непруха! — верно, Боб?...я же тоже проверялся, после Иэна. Понял?

«О чем это я?» — подумал Кэлум, наконец осознав бесплодность беседы. В первый раз до него в полной мере дошло, что теперь уже ничего не поделаешь.

Пьяница в грязном, вонючем пальто подошел к нему. Он пялился на скамейку, что-то соображая. Затем он подсел к Бобби.

— Все только и говорят сегодня, что о НСД. Все дело в НСД, дружок! — на последнем слове он подмигнул Кэлуму.

— Ну и? — раздраженно переспросил тот.

— Толстожопая сука торгует в этой лавке на Кокберн-стрит. Толстожопая сука — поверь мне, сынок. Я всегда туда хожу. Лавка на Кокберн-стрит. Там чудной народ работает, понял? Ну, вроде тебя. Студенты. Студенты, понял?

— Ага, — Кэлум в отчаянье закатил глаза. Было очень холодно. И шея у Бобби тоже была очень холодной.

— Филадельфия, город братской любви. Семья Кеннеди. Дж. Ф. Кеннеди, — сказал пьяница вкрадчиво. — Филадельфия, братская любовь, — еще раз подчеркнул он.

— Вроде Бостон, — сказал Кэлум.

— Нет: Филадельфия, — уперся пьяница.

— Кеннеди, они из Бостона. Именно оттуда:

— Я, БЛЯ, ЛУЧШЕ ТВОЕГО ЗНАЮ, СЫНОК! НЕ ТЕБЕ МЕНЯ ИСТОРИИ УЧИТЬ! — прорычал старый алкаш. Кэлум видел, как брызги его слюны падают Бобби на лицо. — Ты еще узнаешь! Скажи своему долбаному дружку!

Тело Бобби навалилось на Кэлума, но тот отпихнул его обратно, придерживая рукой, чтобы оно не упало на пьянчужку.

— Не трогай парня — он вырубился! — сказал Кэлум.

— Я тебе сейчас скажу, где я был, когда пристрелили Джона Леннона: — просипел алкоголик.

Кэлум насмешливо покачал головой:

— Мы же с тобой о Кеннеди говорили, крыса помойная:

— Я ПОМНЮ, СЫНОК, НО ТЕПЕРЬ, ТВОЮ МАТЬ, Я ГОВОРЮ О ДОЛБАНОМ ДЖОНЕ ЛЕННОНЕ! — Пьяница встал и запел: — Вот пришло Рождество, а что мы сделали хорошего? Веселого Рождества и счастливого Нового года!

Он встал и, шатаясь, побрел по аллее. Кэлум внимательно следил за пьяницей, пока тот окончательно не растворился в ночи, хотя голос его еще долгое время доносился из темноты.

Вскоре вернулись остальные с кебабами. Круки всучил Кэлуму одну порцию. Когда он раздал все, у него в руках осталась лишняя.

— Блин! — процедил он сквозь зубы. — Совсем вылетело из головы, что сукин сын уже помер. — И он печально посмотрел на лишний кебаб.

— Да уж, конечно. Ужасно эгоистично со стороны этого мудела — взять и вот так помереть! — взорвался Кэлум, пытаясь смотреть Круки прямо в глаза. — Оставить лишний кебаб! Ты только послушай, что несешь, Круки! Бобби помер, а ты ведешь себя как полный пидор!

Круки стоял, раскрыв от неожиданности рот:

— Прости, дружище, совсем забыл. Что он был твой кореш.

Гиллиан внимательно посмотрела на Бобби:

— Он же был Джанки, он все равно не стал бы есть. Они никогда не едят.

— Помнишь толстого Фила Камерона? А, Кэл? — сказал Круки.

— Ага, — кивнул Кэлум, — жирный Фил:

— Единственный мудел из всех, кого я знал, кто сидел на игле и жирел, — улыбнулся Круки.

— Полная херня, — фыркнула Гиллиан.

— Нет, это чистая правда — верно, Кэл? — обратился Круки за подтверждением.

Кэлум пожал плечами, но затем утвердительно кивнул:

— Жирный Фил сперва вкалывался, а затем отправлялся искать сладенькое. Он заваливался в кафе «Бронкс» и выкатывал оттуда с полным мешком донатсов. Легче было его оторвать от шприца, чем от этих долбанных донатсов. Впрочем, с иглы он потом слез, не то что бедный Бобби. — Кэлум кинул взгляд на сереющее тело друга.

Они доели кебабы при полном молчании. Круки откусил кусок от лишней порции, но подумал и бросил в кусты. Гиллиан посидела некоторое время в печали, но затем принялась накладывать голубую помаду на губы.

— У него не было выбора, — сказал Кэлум. — Такие парни, как он: в общем, он зашел слишком далеко. Мы все были такие же — клевые парни, короче говоря, но так всегда бывает: кто-то покрепче, понял?

— Может, у него уже СПИД был? — вставила Гиллиан.

— Тьфу! — Мишель скорчила гримасу, но затем задумчиво сказала: — Какой ужас! Представьте себя на месте его мамы:

Неторопливая беседа была прервана каким-то шумом с улицы. Кэлум и Круки напряглись. Времени на бегство или на какой-нибудь маневр не оставалось. Они распознали источник этого шума — скопище пьяных ублюдков, распевających футбольные песни и обшаривающих пустынные улицы, ища, на ком можно сорвать свою злость.

— Лучше сидеть тихо, — сказал Кэлум.

Только он это сказал, как скопище демонов вползло в его поле зрения. Свет луны и огни уличных фонарей освещали их лица. Сколько их было, он не успел сосчитать, но ясно понял, что они их засекли.

— ЭЙ ВЫ, ТАМ! — крикнул один из демонов.

— Это вы кому?! — визгливо отозвалась Гиллиан.

— Тсс! — зашипел Кэлум. — Не лезь, сами разберемся:

Чувствовалось, что его охватила паника. «Долбанные мокрощелки, — подумал он. — Это же нам прилетит, не им. Мне конкретно».

— ЭЙ, КОЗЛЫ, ВЫ КОПОВ ТУТ НЕ ВИДЕЛИ? — крикнул один из парней — высокий, атлетического сложения, с темными засаленными волосами и горящим бессмысленным взором.

— Да вроде нет: — сказал Кэлум.

— ВЫ ВАЩЕ ОТКУДА, БЛИН? — крикнул парень с засаленными волосами.

— С вечеринки, — ответил Кэлум, заметно нервничая. — От друзей, короче, понял?

— Это твой приятель, куколка? — спросил Гиллиан другой парень, в кепке пирожком, разглядывая при этом Кэлума.

Гиллиан не сразу ответила: она долго смотрела в глаза задававшему вопрос, а затем с нескрываемым презрением в голосе сказала:

— Вполне возможно. А тебе-то что?

Кэлум почувствовал в груди странную смесь страха и гордости. Усиленная кислотой, эта смесь завладела всем его существом. Лицо его задергалось в нервном тике.

Парень в кепке пирожком положил руки себе на бедра и медленно покачал головой. Затем он снова посмотрел на Кэлума.

— Послушай, приятель, — сказал он, пытаюсь казаться рассудительным, несмотря на переполнявшее его раздражение. — Если это твоя пташка, я бы ей посоветовал фильтровать базар, понял?

Кэлум ограничился кивком головы. Лицо молодчика напоминало ему морду злобной гаргульи, которую Кэлум видел на открытках с видами Нотр-Дам. На открытке демон взирал на город с высоты крыши собора; сегодня ночью он сошел на землю.

— Пусть этот пидор сам что-нибудь скажет. — Парень с засаленными волосами еще раз посмотрел на Круки, а затем ткнул пальцем в сторону Бобби. — У него на губах помада. ТЫ ЧТО, ПЕДРИЛА, ЧТО ЛИ, ПРИЯТЕЛЬ?

— Видишь ли, у парня: — начал было Кэлум.

— ПУСТЬ САМ СКАЖЕТ! ЭЙ, ПРИЯТЕЛЬ, ТЫ КТО БУДЕШЬ? — рявкнул в сторону Бобби «сальные волосы».

Ответа, естественно, не последовало.

— АХ ТЫ ПИДОР! — с этими словами парень взрезал Бобби по лицу. Кэлум и Круки отскочили в сторону; тело тяжело рухнуло на землю.

— ВЫ УБИЛИ ЕГО! ВЫ ЕГО УБИЛИ НА ХЕР! — завершала Мишель.

— Если не убили, то щас убьем! — сказал парень с засаленными волосами, приближаясь к телу. — НУ-КА ТЫ, МУДЕЛ! ТЫ И Я! ОДИН НА ОДИН! ВСТАВАЙ, КОЗЕЛ!

И он принялся пинать труп ногами.

— ВЫПАЛ В ОСАДОК, ПИДОР! ВСЕ ВИДАЛИ? — и парень торжествующе посмотрел на своих дружков.

Тип в кепке-пирожке развел в восторге руками, затем показал на парня с засаленными волосами и сказал:

— С первого же удара! Ну ты даешь, Дуджи! — От удовольствия он даже прикрыл глаза и прикусил нижнюю губу. — Свалил пидараса с первого же удара!

Парень, которого, оказывается, звали Дуджи, раздувшись от гордости, посмотрел на Кэлума и Круки. — Кто следующий?

Кэлум оглянулся по сторонам в поисках потенциального оружия. Ничего подходящего под рукой не оказалось.

— Э: да мы тут никому не мешали: — промямлил Круки.

Парень, которого звали Дуджи, замер в недоумении, словно пытаюсь переварить нечто до крайности несъедобное.

— Да пошли вы все к ебене матери! — вдруг взвизгнула Гиллиан. — Козлы вы все!

— ЭТО ТЫ С КЕМ ТАК РАЗГОВАРИВАЕШЬ? — взвился Дуджи.

— А я не знаю с кем, у тебя ярлык отвалился, — сказала Гиллиан, не прекращая жевать жвачку и глядя на Дуджи с нескрываемым презрением.

— ТАКИЕ ТЕЛКИ, КАК ТЫ, САМИ НАПРАШИВАЮТСЯ, ЧТОБЫ ИМ ВСТАВИЛИ! ЗАТКНИ СВОЙ ВОНЮЧИЙ РОТ! — чувствовалось, что еще ни одна женщина не наносила Дуджи подобного оскорбления.

— ДА ТЫ ПОЛНЫЙ КОЗЕЛ! ДА ТЫ, КРОМЕ МАМОЧКИНЫХ, НИЧЬИХ ТИТЕК НЕ ЩУПАЛ, ХЕР МОРЖОВЫЙ! ВАЛИ ОТСЮДА, МОЖЕТ, КТО ИЗ ТВОИХ ВОНЮЧИХ ДРУЖКОВ ТЕБЕ В ЖОПУ ДАСТ! — Гиллиан походила на разбушевавшуюся ведьму; видно было, что ни один мужчина раньше не позволял себе говорить с ней таким тоном.

Дуджи стоял, пытаясь как паровоз; казалось, его вот-вот хватит кондрашка. На лице у него застыла гримаса полного непонимания.

— Да ты: Да ты меня еще не знаешь: — хрипел он, словно раненый зверь, заискивая и угрожая одновременно.

В мозгу у Круки под действием кислоты все эти эмоции двадцатикратно умножились. Он почувствовал прилив животного страха, который моментально трансформировался в гнев, и тут же набросился на Дуджи, осыпая воздух ударами. В один миг Круки очутился на земле, а Дуджи с двумя дружками принялся остервенело пинать его. Параллельно парень в кепке-пирожке вступил в единоборство с Кэлумом, и они начали гоняться друг за другом вокруг припаркованного автомобиля. Кэлум оторвал от машины антенну и рассек ею щеку противнику. Тот закричал не столько от боли, сколько от досады, поскольку Кэлум заполз под машину.

Забравшись так, чтобы его нельзя было достать пинком, Кэлум совсем уже почувствовал себя в безопасности, но тут, к своему ужасу, заметил, что рядом с ним есть кто-то еще. Он начал ожесточенно пинаться, но тут осознал, что это всего лишь Круки.

— КЭЛ, МУДИЛА, ЭТО ЖЕ Я! УЙМИСЬ ТЫ!

Они лежали рядом, тяжело дыша, охваченные страхом, и прислушивались к голосам врагов:

— ДАВАЙ ВЛЕЗЕМ В ДОЛБАНУЮ МАШИНУ! ЗАВЕДЕМ ДВИЖОК! ПЕРЕДАВИМ КОЗЛОВ!

«Только этого еще не хватало!» — подумал Круки.

— Лучше трахнем подстилок! Сучки долбанные!

«Вот бя: Но они же все и начали, коровы!» — подумал Кэлум.

— Только рискните, козлы! — Кэлум узнал голос Гиллиан.

«Гиллиан, — подумал он. — Пусть только её тронут!»

— А ну-ка, выползайте!

«Вот еще! — подумали приятели одновременно. — Сами ползите сюда!»

— Лучше врежем педриле, которого Дуджи завалил!

Эта идея показалась компании соблазнительной. Из-под машины Круки и Кэлум наблюдали, как хулигуны молотят тело Бобби.

Один из парней ткнул в губы Бобби зажатой сигаретой. Бобби никак на это не отреагировал.

— ОН В ПОЛНОМ ОТРУБЕ! ХВАТИТ! — крикнул кто-то, и компания уgomонилась, увидев, что дело неладно.

Кто-то первый панически метнулся с поля битвы, за ним последовали остальные. Один парень в синей куртке крикнул напоследок, обращаясь к девушкам:

— Вы, телки! Проболтаетесь о нас — не жить вам на этом свете! Усекли?!

— Усекли! — саркастически крикнула ему в ответ Мишель.

Парень вернулся и ударил её по лицу. Гиллиан подскочила и двинула парню по зубам. Она хотела ударить его еще раз, но он схватил её за руку. Тогда Мишель сорвала с ноги туфлю и саданула парня снизу вверх по щеке высоким каблуком. Каблук скользнул по коже и впился прямо в глазницу.

Парень пошатнулся от пронзительной боли и ухватился за рану руками, пытаясь остановить кровь.

— Подстилка долбаная! Чуть мне глаз не вышибла! — взвыл он, пятясь назад, в то время как девушки медленно приближались к нему, словно два маленьких хищных зверька, атакующих более крупное, но раненое животное.

— ТЫ, ПИДОР, ТЕБЯ УБЬЮТ! МОИ БРАТЬЯ ТЕБЯ УБЬЮТ НА ХЕР! ЭНДИ И СТИВИ ФАРМЕР! ЭТО МОИ БРАТЬЯ! ПОНЯЛ, КОЗЕЛ! — визжала Гиллиан.

Парень не на шутку испугался и поспешно рванулся к своим друзьям.

— ВЫЛАЗЬТЕ, МУДИЛЫ! — крикнула Гиллиан Кэлуму и Круки.

— Щас, — вяло отозвался Кэлум. Ему было хорошо лежать под машиной.

Круки, напротив, чувствовал себя так, словно его заживо похоронили вместе с Кэлумом.

— Вылазьте! — сказала Мишель.

— Как тут хорошо! Это все из-за кислоты: о, блин: я не могу. Вы бы шли домой: — бормотал Кэлум.

— Я СКАЗАЛА, ВЫЛАЗЬТЕ НА ХЕР! — взвизгнула Гиллиан голосом, который прямо-таки скреб по окончаниям слуховых нервов.

Жалкие от стыда и страха друзья выползли из-под машины.

— Тсс! — с мольбой в голосе прошипел Кэлум. — Тут же копов полно!

— Э: круто! Ну вы молодцы, девочки! — сказал Круки.

— Здорово, просто здорово, — согласился Кэлум.

— Этот хер ударил Мишель, — сказала Гиллиан, показывая на отчаянно рыдающую подругу, которая пыталась надеть обратно свою туфлю.

Густые брови Круки нахмурились в порыве сострадания:

— Мы еще найдем этих мудаков, верно, Кэлли? Заявимся с кодлой. Если б не кислота, мы бы справились, верно? Жалкие ублюдки! Дрочили несчастные! Скажи, я подумал — нам крышка, когда они навалились, но они больше друг друга, чем нас, пинали, козлы позорные! Ну, мы их еще найдем! Если б не эта кислота, верно, Кэл?

— На кислоте сидят только психи, — вставила Гиллиан.

Они посмотрели на Бобби. Лицо его сползло на одну сторону, словно у него была сломана челюсть и разбито полчерепа. Кэлум снова вспомнил, как он в шутку выстрелил в Бобби, когда они детьми играли в окрестностях Ниддри, и как Бобби прикинулся мертвым.

— Пойдем, — сказал он.

— Нельзя его здесь так оставить, — сказал Круки, весь дрожа. «Это могло быть мое лицо: " — подумал он.

— Нет, лучше свалить. Полиция решит, что это работа этих ублюдков. Они бы его и вправду убили, — сказала Мишель сквозь слезы. — Все порем, ничего не напишешь:

В полной темноте они пошли в сторону квартиры Круки в Фонтейнбридже. Все молчали, только Мишель время от времени всхлипывала. Круки и Кэлум нетвердо вышагивали впереди; Гиллиан, ласково обняв Мишель, следовала за ними в нескольких ярдах.

— Все об Алане тоскуешь? — спросила Гиллиан. — Пора выкинуть его из головы, давно пора. Мишель. Думаешь, он сейчас сидит и тебя дожидается? Как бы не так! — фыркнула она. — Тебе нужно дать первому попавшемуся парню. Пусть он тебя так трахнет, чтобы мозги из башки вылетели. Ты давно ни с кем не спала. Подруга! Отсюда все твои беды:

— Я из-за Алана работу в банке потеряла: — всхлипнула Мишель. — Хорошее место. Королевский банк.

— Забудь его. Лови кайф, — сказала Гиллиан.

Мишель скорчила злую гримасу, которую на лету попыталась переделать в улыбку. Гиллиан мотнула головой в направлении Круки и Кэлу. Девушки рассмеялись.

— Какого берешь? — спросила Мишель.

— Оба полные козлы, но тот, бровастый, немного получше будет, — сказала Гиллиан, показывая на Круки.

— Да, вроде ничего: — сказала Мишель. — А у дружка его — как его звать, Кэлум? — жопа больно тощая.

Гиллиан обмозговывала сказанное. Мишель права. У Кэлу, и верно, тощая жопа.

— Какая разница, если хер при нем, — рассмеялась она, покраснев от прилива гормонов.

Мишель рассмеялась вместе с ней.

Гиллиан пригляделась повнимательней к Кэлуму. «Очень тощий, но руки и ноги большие. Если учесть все три фактора, — подумала она, — не исключено, что с членом у него полный порядок».

— Пойдет, бери бровастого, а я займусь его приятелем, — предложила она.

— Допустим, — пожала плечами Мишель.

Они пришли на квартиру к Круки и устроились у камина. Гиллиан присела на край кушетки и стала массировать Кэлуму шею. Тот уже почти совсем отошел от кислоты, и прикосновения Гиллиан были ему приятны.

— Ты такой зажатый, — сказала она.

— Я зажатый, — беспомощно подтвердил Кэлум.

«Неудивительно, — подумал он, — после такого славного вечера. Я зажатый», — и тихо хихикнул.

Мишель и Круки лежали рядом на полу и перешептывались.

— Ты, поди, думаешь, что я шлюха какая-нибудь: — нежно шептала Мишель.

— Не-е: — неуверенно возражал Круки.

— Я работала в банке, в центральной конторе, — разъясняла Мишель, словно оправдываясь. — Королевский банк, — добавила она, напирая на слово «Королевский». — Шотландский Королевский банк, понял?

— Ага, это на Маунд, — кивнул Круки.

— Да нет, я про Королевский банк, а ты — просто про шотландский. А я работала в шотландском Королевском банке. Центральная контора. Площадь Св. Андрея.

— Королевский банк: — согласился Круки. — Ага: Королевский банк: — повторил он, глядя в её черные глаза.

Красивая какая: эти глаза, яркие губы. Помада. Даже на отходняке у него рябило в глазах от её помады. Круки понял: ему нравятся женщины, которые знают толк в помаде. Мишель относилась именно к этой категории.

— Пошли с тобой туда, — сказала Мишель, потянув его к двери в соседнюю комнату.

— Ага: верно: в спальню. Ага, в спальню, — сказал Круки, поднимая кустистые брови.

Они встали с пола — Мишель легко и непринужденно, Круки несколько неуверенно — и на цыпочках направились в спальню. Круки, заметив, что Кэлум следит за ними, надул губы и нахмурил брови.

— Вот мы и одни остались, — улынулась Гиллиан.

— Ага, точно, — отозвался Кэлум.

Они легли на кушетку. Гиллиан сняла пальто из очень пушистого искусственного меха и укрыла им себя и Кэлума. Кэлуму очень понравилось, как Гиллиан выглядит в коротком красном платье. У нее были красивые руки, и Кэлум понял, что они показались ему страшными под воздействием кислоты.

Гиллиан была восхищена тем, какое твердое у Кэлума тело. Она не могла понять причины: то ли у Кэлума такие сильные мышцы, то ли он такой костлявый, и это её возбуждало. Она начала гладить Кэлума через одежду, потом запустила руку к нему в пах. Кэлум ощутил эрекцию.

— Ох, как хорошо, — шептала Гиллиан низким грудным голосом.

Он в ответ поцеловал её и засунул руку в разрез её платья, но бюстгальтер был такой тугой, что, пытаясь извлечь из него груди, он сделал ей больно. Тогда он оставил в покое бюстгальтер и скользнул рукой по бедру. Он уже было совсем пробрался к Гиллиан между ног, но тут она внезапно вскочила с кушетки — оказалось для того, чтобы раздеться. Кэлум быстро разделся вслед за ней, но при этом у него пропала эрекция. Гиллиан снова легла на кушетку, привлекла его к себе, и Кэлум опять возбуждился, но недостаточно сильно.

— Что с тобой? Тебе что-то не нравится? — отрывисто спросила Гиллиан.

— Это из-за кислоты, наверное: или: у меня есть девушка, понимаешь? Элен: Я в смысле, что я так и не знаю, с ней я или нет: ну, у нас что-то не сладилось, и я больше не живу с нею вместе, в этом смысле: но мы еще встречаемся иногда.

— Я за тебя замуж, блин, не собираюсь, понял? Я просто перепихнуться хочу.

— Ага, — он снова пробежал взглядом по её наготы и внезапно почувствовал, что без всяких дополнительных усилий возбуждился.

Накрывшись пальто, они занялись любовью. Любовь эта состояла в основном из жесткого трения гениталий, а не из слияния душ, но в это трение было вложено достаточно страсти и энергии, и Гиллиан быстро достигла оргазма. Кэлум кончил вскоре после нее. Он подумал, что смог бы и лучше, если бы не кислота, Бобби и прочее дерьмо:

«Ну ничего, — подумал он радостно, — не так уж плохо для первого раза».

Гиллиан удовлетворенно подумала, что вряд ли она придет сюда еще раз, но, по крайней мере, парень был достаточно тактичен, чтобы позволить ей кончить первой. Все в порядке, жить стало легче.

— А ты ничего, — снизошла Гиллиан до комплимента перед тем, как заснуть.

Через какое-то время Кэлум почувствовал, что Гиллиан встает, но притворился крепко спящим. Она начала одеваться, затем до Кэлума донеслось какое-то перешептывание, и он понял, что из спальни вышла Мишель. Кэлум смутился, осознав, что пальто едва скрывает его наготу.

— Ну как? — шепотом спросила Гиллиан у Мишель.

— Полное говно. Он ничего не умеет. Словно долбаный девственник какой. У него даже встал-то с трудом. Все про эту долбаную кислоту говорил.

Кэлум услышал, что Мишель плачет. Затем она неожиданно спросила с любопытством:

— А твой как?

Гиллиан долго шуршала платьем, а затем, через промежуток времени, который показался Кэлуму целой вечностью, ответила:

— Вполне ничего. Немного неуклюжий: ой, бедненькая Мишель: опять у тебя ничего не вышло: надо было тебе этого взять, — и она ткнула пальцем в сторону Кэлума.

Мишель вытерла слезы, смазав при этом всю тушь. Гиллиан хотела ей об этом сказать, но Мишель её перебила:

— Вот с Аланом все было просто блестяще. По крайней мере, поначалу. Потом, когда он спутался с этой шлюхой, пошло полное дерьмо, но вначале: вначале он был бесподобен.

— О, — ласково сказала Гиллиан, решив промолчать о размазанной туши.

Она наклонилась к Кэлуму и легонько потрясла его за плечо:

— Эй, Кэлум! Встань, мне нужно мое пальто. Мы уходим.

— Угу.. — промычал Кэлум.

Мозги у него плавали в каком-то маринаде, а тело казалось одной сплошной отбивной, но, по крайней мере, действие кислоты совсем прошло.

— Дай я плавки надену. Они там, за кушеткой.

— Я не буду смотреть, честное слово, — сказала Гиллиан.

От этих слов Мишель рассмеялась, как показалось Кэлуму, каким-то хищным смехом, который очень гармонировал с размазанной тушью вокруг глаз. Как бы то ни было, Кэлум встал, натянул плавки и джинсы и вручил Гиллиан пальто.

— Ну ладно. До скорого: Мишель, Гиллиан. Да, Гиллиан, у тебя есть мой телефон? — спросил он осторожно.

Кэлум еще не решил для себя, захочет ли он с ней встретиться, но ему показалось, что будет вежливо хотя бы намекнуть на такую возможность. Еще он подумал, что Гиллиан, наверное, слегка психованная.

— Свой я тебе не дам, а твой напиши, если хочешь, — сказала Гиллиан, протягивая ручку и клочок бумаги. Клочок оказался ваучером распространителя рождественской лотереи «Клуб-86» Департамента содействия развитию шотландской молодежи.

— Ты билетики себе взял? — спросила она.

— Угу, целых пять, — ответил он, записывая номер на ваучере.

Гиллиан еще раз посмотрела на Кэлума, потом на Мишель, а затем сказала:

— Если захочу тебя увидеть, позвоню. Я не люблю, когда парни мне звонят: «Сходим куда-нибудь, а, Гиллиан?» — изобразила она чей-то противный, занудный голос.

Затем она подошла к Кэлуму, обхватила его голый торс и прошептала:

— Мы еще потрахаемся, очень скоро.

— Угу-м: — неопределенно буркнул тот в ответ. — Да, да, конечно.

В этот момент Кэлуму почему-то вспомнилось, как он смотрел по телевизору передачу о природе. Там самка богомола отъедала голову самцу во время спаривания. Кэлум проводил взглядом Гиллиан и Мишель, явственно представив, как Гилиан отъедает ему голову.

Кэлум сидел в одиночестве в гостиной, смотрел по телевизору утреннюю программу и курил. Проведя рукой по члену и мошонке, он понюхал свою ладонь. Она пахла Гилиан. Он подумал об Элен и о Бобби и остро ощутил свое одиночество. Затем он стал заваривать себе чай, и тут вошел Круки.

— Как ночь провел? — спросил его Кэлум. Круки ответил ему улыбкой, похожей больше на резаную рану.

— Ты настоящий друг. Эта Мишель — Королевский банк и все такое, а трахается во все дыры. Она еще хотела, но старине Круки надо было выспаться перед работой.

— Так ты ей вставил, что ли? — спросил Кэлум с посеревшим лицом.

— Вставил? Да я её на части порвал! Теперь она вместе со своим Королевским банком долго не сможет на велосипеде кататься. И есть ей не скоро захочется! Это же Круки! — При этих словах он ткнул себя в грудь указательным пальцем. — Теперь у меня кредит в Королевском банке! Я почти ничего не снимал со счета, но сделал несколько крупных вкладов — ну, ты меня понимаешь. Под большие проценты! Я ей так и сказал: если тебе нужно привести в чувство какую-нибудь подружку, дай ей мой адрес! Лучше Круки с этим никто не справится: Лучше Круки просто не бывает, — и Круки запел, отбивая ритм на бедрах:

Он лу-у-учше всех других.

Он лу-у-учше любого,

Кого я встреча-а-ала до сих

По-о-ор!..

Кэлум смотрел, как Круки приплясывает, и чувствовал, что неплохо было бы ему врезать. Но печаль сковала его порукам и ногам: из головы все не выходил Бобби. Когда Бобби умер на самом деле? Пожалуй, что задолго до этой ночи.

— А как ты, Кэл? Что у тебя с Гиллиан? — внезапно спросил Круки с лукавым выражением на лице.

— Да так, ничего. Я сам виноват. Все эта кислота, понял?

Круки изобразил на лице театральную маску презрения:

— Это не оправдание, Кэлли, старина. Возьми, к примеру, Круки. — Тут он снова показал пальцем на себя. — Ему можно присвоить официальный титул: КРУЧЕ ВСЕХ. Никакое количество

наркотиков не сможет выбить этого парня из седла! Именно в этом и состоит различие между профессионалами высокого класса с большим стажем и самоучками-любителями.

— Это или есть, или нету, — безразлично согласился Кэлум.

— Я об этом и говорю, Кэл! Таланту не научишься. Ни один учебник в мире не поможет.

Кэлум думал о Бобби и о Гиллиан.

— Я однажды видел документальный фильм о насекомых, о богомолах. Такие большие, свирепые твари, понял?

— Ага: злобные такие на вид, верно?

— Телка богомола отгрызает парню башку во время пистона: я, в смысле, не о богомолах. У парней с бабами вроде как бы то же самое, понял?

Круки посмотрел на Кэлума:

— При чем здесь эти богомолы херовы?

Кэлум наклонил голову и подпер ладонью щеку. Круки показалось, что он пытается закрыть лицо рукой. Потом он снова заговорил неторопливо и совсем упавшим голосом:

— Мы: видели парня: ну, Бобби: мы видели, как он умер: как мы могли: как будто ничего не случилось!..

Круки сел на край кушетки рядом с Кэлумом. Ему стало как-то не по себе. Он раз-другой попытался заговорить, но горло перехватывало. После долгого молчания он наконец сказал, глядя в телевизор:

— Что там за дерьмо кажут?

Кэлум поднял голову:

— Программа к завтраку. Надо бы позавтракать, понял?

— Верно, верно, умница! Я сбегая на улицу за молоком и хлебом. — Затем Круки снова посмотрел на Кэлума, довольный тем, что напряженный момент прошел: — Интересно, как мы будем выпутываться из того, что ночью было?

Кэлум снова подумал о Бобби и еще о том, что этому наглому мудаку все равно ничего не объяснишь. Так и будет выхаживать по земле с оттопыренной нижней губой, словно весь мир обязан ему своим существованием.

— А хер его знает. Мы тут, в сущности, ни при чем. Просто скажем, что нашли Бобби на улице в полном отрубе и хотели ему помочь, понял? Гиллиан и Мишель — свидетели. Скажем, что убежали, когда на нас напали те парни. Они и будут выпутываться.

— Но Бобби загнулся от передозировки.

— Ну и что, может, загнулся, а может, эти психи его кончили. Выбора нет: или мы, или они. Пусть уж лучше они.

Круки посмотрел в окно: солнце всходило над домом напротив. Город оживал. Демоны, о которых они так любили говорить с Кэлумом, попрятались по норам: гости на вечеринке, уличная шайка, Бобби, Гиллиан, Мишель вместе с её Королевским банком. «Надо было все же вставить сучке, — подумал он с горечью. — Хорошенькая, в целом». Солнце светило, жизнь продолжалась.

— Ага, — согласился он. — Лучше они, чем мы.

Кэлуму показалось, что под окном скрипнули тормоза. Затем он услышал стук тяжелых башмаков — двух пар по меньшей мере — на лестнице. «Паранойя, — подумал он, — шалят остатки ки-слоты. Это просто отходняк».